

— Как спалось? — облокотившись одной рукой на кровать, от чего мышцы торса слегка напряглись, чётче вырисовывая рельеф, я продолжил нашу игру под название «Улыбаемся и машем!» — должен же я получать хоть какое-то удовольствие от её проделок. А то, что я очень редко так реагирую, делает подобные моменты ещё... слаще.

— С д-добрым, Томми. — Фелиция шумно сглотнула, всё так же не поворачивая головы в мою сторону, а краска с ушей уже успела распространиться на шею, слегка захватив её милые, слегка припухлые щечки. Ладно, пора заканчивать, а то это уже мало похоже на невинную шутку...

— Я рад. — и делаю легкий «чмок» в висок сестры. — Я первый в ванную, хорошо?

— У-угу, иди, братик. Я... Я тут... Чуть-чуть. Да... — ох, кажись всё же переборщил. Ладно, не всё же ей меня подкалывать, хотя в следующий раз надо будет быть поосторожней.

Комната Тома. Пару десятков секунд спустя. Одна девушка с комплексом братика.

Сердце Фелиции стучало, отбивая ритм на зависть любому пулемёту. Ещё чуть-чуть и оно готово было выпрыгнуть из груди и, с криками «Ну нахер!», бежать так далеко, насколько вообще могло, главное — подальше от своей нерадивой хозяйки, умудрившейся по уши влюбиться в своего родного брата-близнеца.

Девушка не знала, когда это началось. Они с самого детства были вместе. Но в то время всё было совсем иначе... Она помнила, как брат вёл себя ещё тогда, до того злополучного дня, когда девочка потеряла одного из главных мужчин в своей жизни. Отца. В, казавшиеся далекими, времена, Томми бесил её одним своим видом, а голос и постоянные капризы, которым потакали мать и отец, заставляли стискивать кулачки от обиды. Почему? Почему мама уделяет ему больше времени? Почему отец так ярко и широко улыбается, при виде её брата? Сейчас-то, по прошествии стольких лет, Фелиция понимала, что это была обычная ревность. Глупая, иррациональная. Одним словом — детская. А потом... Потом случился тот злополучный день, навеки отпечатавшийся в её памяти. Сначала она увидела бледное лицо матери, из которого, казалось, враз откачали всю кровь. Она помнила суету и бессилие в словах и действиях той, которая казалась ей идеалом — непогрешимой, способной решить любую проблему, ответить на любой вопрос... Но в тот день всё изменилось. Вместо нерушимой стены была обычная женщина, не знавшая, что ей делать. Фелиция помнила, как мама стискивала её в крепких объятиях, словно боясь, что стоит ей хоть на секунду ослабить хватку и дочь похитят, как уже сделали с её сыном. Поначалу, Фелиция даже обрадовалась, ведь ненавистного брата больше нет. Теперь вся любовь мамы и папы безраздельно будет принадлежать лишь ей! Только ей... Но шли минуты, часы, а она слышала лишь тихие всхлипы матери и чувствовала подрагивания тела, к которому прижималась. Правильно говорят — дети всё чувствуют, всё понимают. И Фелиция на своём примере подтвердила эти слова.

Пока мама звонила, кричала на кого-то и суежилась, девочка всё больше погружалась в мысли и чувства. На смену радости от исчезновения брата пришло странное осознание. Это навсегда. И в этот момент что-то дрогнуло внутри неё и болезненно сжалось в груди. Каждая мысль о том, что Томми больше не вернётся начала отражаться режью в сердце и девочка сама не заметила, как слёзы неровным потоком хлынули из её глаз. Томми может не вернуться... Никогда. Это она виновата! Она хотела, чтобы брат исчез, ведь тогда всё внимание достанется лишь ей. Это всё она...

Фелиция смутно помнила, как мать позвонила отцу и о чём-то его умоляла, но чётко запомнила одну вещь. Мама обнимала и шептала ей, перед тем как девочка уснула от эмоционального истощения:

— Всё хорошо, доченька. Всё хорошо... Папа справится. Папа вернёт Томми домой.

На следующий день Томми уже был дома, а ещё через день пришло известие, что самолёт, на котором летел отец, потерпел крушение, а сам мужчина признан пропавшим без вести. Фелиция тогда не знала таких слов и не понимала их смысл, но даже так, ей хватило ума понять, что отец больше не вернётся. Её детский разум связал воедино слова матери о том, что отец вернёт Томми и последующую пропажу отца, вывернув всё на свой лад. Братик вернулся, папа помог, а значит в его пропаже также виновата она, ведь всё это из-за её желаний быть единственной... Бойтесь своих желаний, ведь они могут исполниться, а цена будет страшна.

С тех пор Фелиция изменилась. Ранняя потеря отца смогла сказаться на мировоззрении девочки, от чего она осознала одну простую вещь: в любой момент она может потерять своих самых близких людей. Один миг и всё – их нет. Она помнила, как плакала по ночам, уткнувшись в подушку. Помнила, как снились кошмары, в которых она оставалась совсем одна и помнила ужас, с каждым мгновением сгущавшийся и давивший на неё, словно дикий зверь, о существовании которого ты знаешь, как и то, что он выбрал тебя своей целью. Фелиция жила в постоянном ожидании атаки притаившегося в тенях «хищника», в любой момент готового выскочить и кинуться на неё. Он кинется, а его целью будет сердце, в котором живут её мама и братик. Оно вырвет его и заберёт себе, оставив девочку одну...

В одну из ночей, когда тени ей казались особо тёмными, а тело привычно парализовало страхом, в голове девочки, подобно маяку для заблудшего странника, ярким столбом света загорелся силуэт брата. Он горел столь ярко, что окружающая тьма отступала в ужасе, будто сама став добычей более страшного хищника. Она видела, как свет брата отгоняет страхи и начала тянуться к нему. Тело больше не сковывал животный ужас и она, робко расправив крылышки, полетела за этим светом. В ту ночь, когда она впервые пришла в комнату брата, сон был столь сладок, как ещё никогда до этого. Она чувствовала его тепло и свет, обволакивающий маленькое девичье тельце, сердце и душу, и Фелиция поддалась, растворяясь в нём. Ночь за ночью, она приходила к брату, чтобы окунуться в его свет, почувствовать себя защищённой и больше не опасаться, что «хищник» настигнет её, ведь он сам боялся света Томми. Брат никогда не отказывал. Он не ругал её по утрам, как это делала мама, не отворачивался и не спрашивал причин. Он просто был рядом в моменты слабости.

Шло время, Фелиция росла и прежние страхи стали забываться, а девочка, под нотациями мамы начала чувствовать, что всё это неправильно. Так нельзя. Она уже взрослая для того,

чтобы спать с братом. Девочка и сама, в глубине души понимала, что всё это нужно прекратить. Поддавшись словам матери и собственным мыслям, Фелиция смогла перебороть себя и провести ночь в своей постели. Было непривычно. Казалось, что всё не так: то подушка слишком мягкая, а спустя секунду слишком твёрдая, одеяло слишком тяжелое и тонкое, не дающее согреться, а кровать неудобная... Ей не хватало тепла и уюта, что она чувствовала рядом с Томом, но девочка решила, что так больше нельзя. Что-то внутри неё словно противилось этому. И она, поддавшись этому нечто, переборола себя.

Так продолжалось несколько долгих месяцев. Она старалась найти замену «теплу» брата. Старалась получить его днём, во время разговоров и редких моментов физического контакта. Фелиция стала чаще обнимать Тома и маму, а те моменты, когда их тепло растекалось по её телу, дарили столь вожаделенное чувство защищённости и света. Но этого было мало... Слишком мало. Девочка каким-то внутренним чувством ощущала, что подобного больше недостаточно, но также понимала, что больше нельзя – не стоит переходить неизвестную грань. Она чувствовала, словно от этого решения может измениться вся её жизнь и она не знала, в какую именно сторону.

А потом появилась она.

Это случилось в последний день подготовительной школы. Том, в свойственной ему манере, стоило лишь прозвенеть звонку, собрался и ушёл. Уже давно она подметила схожесть характера брата с дикобразом – он не подпускал к себе посторонних, но в то же время был мягок и улыбочив с теми, кого считал своей семьёй. Его «иголки», которыми он ощерился в разные стороны, не подпускали к нему одноклассников. Фелиция понимала, что это неправильно, но в глубине души радовалась тому, что Том не завёл друзей, ведь тогда его внимание не будет принадлежать лишь ей. Но стоило лишь прозвучать этим мыслям, как Фелиция начинала их гнать, прекрасно помня печальный опыт прошлого и такого её «желания».

Но всё поменялось в тот день. Стоило ей немного опоздать... Дать слабину и позволить себе поболтать с немногими подружками, с которыми не факт, что когда-нибудь ещё встретиться, и в её жизни появилась она – Петра Паркер. Замухрышка в больших уродливых очках, с которой разговаривал её брат. Нет, не просто разговаривал, а они держались за руки! Она и Том... Её Том. Остаток дня слился в одну прямую линию. Мысли сменялись одна за другой в неуловимом вихре. А в это время они смеялись! Эта... очкастая, она весело щебетала, с улыбкой до ушей рассказывая брату о всякой ерунде, смысл которой ускользал от девочки. И, словно в насмешку, брат объяснял ей то, о чем они там говорят... Это злило, заставляя сжимать кулаки в немой ярости. Эта очкастая специально так делает, чтобы выставить ей душой безграмотной, с которой и поговорить не о чем!

Потом они отправились есть, где оказалось, что девчонка ещё и бедная, но и тут брат не отвернулся от неё, а лишь с улыбкой и не терпящим возражений голосом сказал, что за всё заплатит! Они знакомы меньше часа, а он уже за неё платит! Слегка утихшая перед приёмом пищи буря, вновь разгорелась внутри неё. А потом они отвезли её домой и последние слова, сказанные её братом, повергли Фелицию в шок. Он сказал, что они друзья. Друзья! Её умный, красивый, сильный, а главное, её брат, и очкастая замухрышка, живущая в Квинсе – друзья! Если бы взглядом можно было покалечить, то под испепеляющим взором Фелиции, направленном на Петру, от последней осталась бы лишь бесформенная поломанная кукла.

В тот вечер она не могла успокоить бурю эмоций, бушевавшую в её сердце. Сон никак не хотел идти, ведь стоило ей закрыть глаза, как перед ней предстала картина, как эта... Петра, забирает брата себе, а тот, натянув широкую улыбку на лицо, смотрит лишь на неё, не слыша криков Фелиции, которая с каждым мгновением отдалялась, а мир начинал выцветать, теряя краски. И девочка не выдержала. Она вновь пробралась в комнату Тома, который, как обычно, этого даже не заметил, заснув сном мертвеца. Стоило ей лишь лечь, плотнее прижавшись к тёплому телу брата, как тревоги девочки начали сами собой отступать, а глаза наливаясь свинцом, унося Фелицию в мир грёз, где всё по-старому: есть лишь она, брат и мама... И нет никакой Петры.

Шли годы, они росли, выросли и начинали смотреть на мир под иными углами. Когда у Фелиции начались первые месячные, мама просветила девочку на тему отношений мальчиков и девочек, а Фелиция, как сейчас, помнила, как внутри неё горело пламя обиды и несправедливости, в котором была изрядная доля смущения, по поводу особенностей женского тела. А также помнила, как горели огнём её уши, от новых фактов, которыми её снабдила мать. Со временем, Фелиция осознала многое и переосмыслила свои и действия Паркер. Чёртова Петра Паркер... Фелиция думала, что хоть в новой школе её не будет, но нет, она и туда смогла пролезть, чем заслужила толику уважения в свой адрес.

Переломный момент случился в четырнадцать лет, когда они перешли в среднюю школу. В то время в их маленькую компанию начали вливаться новые люди. Вечно хмурая Джессика Джонс, которую притащила подруга Фелиции Триш Уокер и Гарри Озборн, который притащил сам себя. Нет, правда, этот придурок перевёлся из другой школы и в первый же день подошёл и просто сел к ним за столик в столовой, и только потом спросил разрешения! Но самое дурацкое, что такой ход вызвал улыбку у брата и положил начало их дружбе! С того дня Фелиция начала всё чаще замечать, что стала как-то иначе смотреть на брата. Что-то неуловимо изменилось, но она не могла понять, что. Помог в осознании её огромной проблемы один случайно услышанный разговор в туалете. Она услышала, как две старшеклассницы обсуждали своих парней, пока поправляли макияж и невольно прислушалась. Одна рассказывала другой о своей любимой... кхм, позе... в сексе. От одного это слова к щекам Фелиции прилила кровь, но она, подобно кошке, перед которой помахали рыбкой, а потом подняли выше, потянулась ближе, начав прислушиваться. И она слушала... Слушала как девушка рассказывала о том, как любит, когда её парень берёт её сзади, крепко схватившись за волосы одной рукой, а второй мнёт её грудь. А вторая отвечала, что, наоборот, любит, когда её парень нежно целует её в шею, занимаясь сексом в «миссионерской» позе. Что за эта такая поза Фелиция не знала, но в миг распалённому сознанию было плевать, оно уже начало выдавать одну за другим картину, с Фелицией в главной роли... А на месте её партнёра был обнаженный Том. Вмиг ей стало жарко, дыхание сбилось, учатившись, а волна жара от головы пробежала по вниз по всему телу, скапливаясь где-то ниже пупка. Это ощущение было столь сладко, подпитываясь всё новыми и новыми подробностями, взятыми за основу у двух старшеклассниц, продолжавших обсуждать свою сексуальную жизнь, с той лишь разницей, что на месте них, Фелиция представляла себя и Тома.

Позже, в тот день, она была необычайно хмурым, что заметил и Томми, попытавшийся вызнать причину такого настроения девочки. Вот только при каждом взгляде на парня, в разуме Фелиции вновь и вновь вспыхивали яркие картины их обнаженных тел, переплетающихся в порывах неистовой страсти. Пару дней девочка не могла смотреть в глаза своему брату. И эти же пару дней, она пыталась понять, что с ней не так? Такие чувства к собственному брату – это ненормально, грязно и аморально! Но сколько бы она ни думала,

сколь бы раз не заставляла себя представлять на месте Тома в своих фантазиях, кого-то другого, результат оставался прежним. В какой-то момент буря, царившая у неё в сердце и душе, перешла критическую отметку, а внутри неё словно что-то сломалось, принося одну единственную мысль, подарившую ей смирение – она влюбилась в своего брата.

Одна лишь эта мысль позволила ей по-новому взглянуть на все прошлые года её жизни. Теперь она знала причину своих поступков, но от этого, становилось лишь тяжелее. Она поняла и приняла свои чувства, но вот поймут ли её другие... На следующий день она смотрела на мир другими глазами и то, что она видела, совершенно ей не нравилось. Взгляд... Она видела такой тысячи раз в зеркале, осознавала, когда подолгу смотрела на Тома, блуждая взором по его фигуре, словно стараясь разглядеть каждую её клеточку, подметить любую, даже самую маленькую деталь, ускользавшую от неё ранее. Взгляд влюблённой девушки... И она видела его во взгляде Петры, обращенном на её брата. И это её бесило, перекрывая глупые подкаты со стороны Озборна младшего к себе.

С того дня Фелиция стала пробираться в комнату к Тому уже с другими мыслями. Если раньше она быстро засыпала рядом с ним, то теперь с этим были проблемы. Тепло, которое раньше успокаивало, теперь лишь распалило. Девушка горела страстным огнём от осознания близости с объектом своих грёз, а перед глазами невольно проносились различного рода картины, мешающие сну. Ей хотелось касаться его, хотелось ощущать под пальчиками рельеф его мускулатуры, эти ямочки и бугорочки, вызывавшие у неё покалывания внизу живота, а грохот собственного сердца в такие моменты казался настолько громким, что она опасалась разбудить всех и каждого в доме. Но Фелиция боролась со всем этим. Она ночь за ночью пробиралась и с неким мазохистским удовольствием от понимания, что ей вновь придётся противостоять буре огня в теле и сердце, забиралась под одеяло брата, где её ловкие пальчики начинали жить своей жизнью.

Кажется, мама что-то поняла, когда в очередной раз отчитывала дочь о неприемлемости её действий, но Фелиции было всё равно. Ей было всё равно на Петру, на мнение окружающих, на общество и всё остальное. Ей было плевать! Для неё было важно лишь одно мнение. Мнение её любимого брата. И это мнение она одновременно жаждала, подобно умирающему от жажды в пустыне, и боялась больше, чем боится грешник суда Божьего.

Ревность притупилась, но она никуда не отступила. Петра не смогла до конца прижиться в их компании, куда входила лишь из-за дружбы с братом. Но именно эта дружба и стала тем, за что Петра регулярно получала взбучки со стороны местной хулиганки и её прихвостней – Джинны Томпсон. Капитан школьной баскетбольной команды, девочка была откровенно слаба в учёбе, держась за место лишь благодаря регулярным успехам в спорте. И она тоже была той, кто положила глаз на её брата, но тот, к счастью, не обращал абсолютно никакого внимания на эту пацанку. Что, впрочем, не мешало той отваживать возможных конкуренток, за что Фелиция ей была молчаливо благодарна. Джина регулярно шпыняла Петру. Многие в школе видели такое, но Томпсон доходчиво объясняла окружающим, что подобного рода информация не должна доходить до определённых людей... Иначе она будет очень, очень рассержена. Шутка ли, но подобные угрозы срабатывали! Джина регулярно докапывалась до Паркер, которая несмотря ни на какие предупреждения со стороны первой, продолжала лезть к Тому. Фелиция знала о постоянных нападках на девочку и даже невольно стала ту уважать за непреклонность и упрямство, демонстрируемое очкастой, но пресекать была не намерена, как, в прочем, и рассказывать брату, который бы сразу пошёл выяснять «кто», «за что» и «сколько», а потом

вынес бы «вердикт» и «привёл его в исполнение». Но Фелиция решила, что пока Джина не переходит черту, за которой следует рукоприкладство, она будет молчать. Раз девушка сама не хочет просить о помощи, значит помощь ей не нужна. Ведь в любви, как на войне...

<http://tl.rulate.ru/book/760/13858>